

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXV.

1893.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашиха, Наб. Екаѳеринискаго кан., № 80.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
В. И. Александренко. Изъ жизни русскихъ студентовъ въ Оксфордѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II	1
А. В. Михайловъ. Къ вопросу о греко-византійскихъ и олавинскихъ сборникахъ изреченій	15
Г. В. Форстенъ. Валтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (продолженіе).	60
Илл. И. Кауфманъ. Государственный долгъ Англіи съ 1688 года до настоящаго времени (продолженіе).	115
Г. Васильевскій. О севастократорской Ирнѣ	179
Д. Петровъ. Письмо Анастація Вибліотекаря	186

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

С. Л. Итаницкій. Переписка литовскаго канцлера Льва Ивановича Салѣги	194
В. О. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. Выпуски XIII и XIV. Тифлисъ. 1892	224
Э. Л. Радловъ. С. А. Бершадскій. Очеркъ исторіи философіи права. Выпускъ I. С.-Пб. 1892	239
И. Д. Чечулинъ. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разказы по архивнымъ документамъ. Н. Булича. Часть первая. Казань. 1891	246
— Книжныя новости	253
И. И. Мещерскій. Сельско-хозяйственные курсы для народныхъ учителей въ Россіи (1883—1892).	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Международные научные конгрессы въ Москвѣ и бывшія при нихъ выставки (окончаніе)	1
М. А. Дьяконовъ. Иванъ Ивановичъ Дитятинъ (некрологъ).	18
П. В. Никитинъ. Августъ Карловичъ Наукъ (некрологъ)	22

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Вал. В. Майковъ. Четверкъ Пиндара въ честь Герона Опра- кувскаго и (продолженіе).	1
Н. Н. Платонова. „Гитория Аристотеля (продолженіе)	10

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го января).

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ ВЪ ОКСФОРДѢ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины се занимала мысль объ отправленіи русскихъ молодыхъ людей за границу для изученія наукъ. Императрица желала образовать просвѣщенныхъ дѣятелей для общественной службы (отправленія правосудія, народнаго просвѣщенія) и съ этой цѣлью рѣшила отправить нѣсколькихъ юношей въ лучшіе европейскіе университеты—въ Оксфордъ, Кембриджъ, Лейденъ, Геттингенъ и Лейпцигъ. Починъ былъ сдѣланъ съ Англіи.

6-го мая 1765 года оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода И. И. Меліссино получилъ отъ императрицы Екатерины въ Царскомъ Селѣ слѣдующее повелѣніе: „изъ обучающихся въ семинаріи учениковъ, которые дошли уже до реторики и, превосходя другихъ честнымъ поведеніемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ подають хорошую надежду своими способностями, избрать 10 человекъ для отправленія ихъ въ Англію, чтобы они въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ могли научиться высшимъ наукамъ на пользу государства“. 21-го мая того же года императрица снова приказала оберъ-прокурору объявить Синоду, чтобы вышеназванные семинаристы были посланы въ Англію для обученія восточнымъ языкамъ и высшимъ наукамъ, не исключая и богословія¹⁾.

Согласно высочайшему повелѣнію Синодъ потребовалъ отъ семинарій прислать кандидатовъ въ слѣдующемъ числѣ: изъ С.-Петер-

¹⁾ *Восточн. Европы*, 1873 г. Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II (т. VI, стр. 301 и слѣд.). Эта статья неизвѣстнаго автора составлена, какъ намъ кажется, по документамъ Синодальнаго Архива. Материаломъ для нашей статьи служили: документы Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ (архивъ Лондонской миссіи 1747—1776 г., связка 159) и свидѣнія, полученные въ Оксфордѣ отъ начальниковъ тѣхъ коллегій, въ которыхъ жили и учились наши студенты.

бургской и Московской по два ученика, да, кромѣ того, изъ Свято-Троицкой Сергіевской лавры три и изъ Московской Законоспасской академіи также три. Избираемые воспитанники должны были отличаться прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ; надзоръ же за ними за границей Синодъ полагалъ поручать особымъ инспекторамъ, коихъ также могли рекомендовать семинаріи.

Высшее русское духовенство и семинаріи живо откликнулись на этотъ лестный для нихъ призывъ синода и не замедлили доставить въ Петербургъ своихъ лучшихъ питомцевъ. Изъ Твери епископъ Гавріилъ прислалъ ученика философіи Прохора Суворова, 15 лѣтъ, и ученика реторики Терентія Новоселова, 16 лѣтъ. Московская Законоспасская славяно-греко-латинская академія выслала 2 учениковъ реторики: Василя Багрянскаго и Петра Розанова, одного ученика философіи — Алексѣя Левшинова и учителя еврейскаго и греческаго языковъ Василя Никитина, въ качествѣ кандидата на должность инспектора студентовъ. Отъ Новгородскаго митрополита Дмитрія прибыли ученики реторики—Василій Антонскій и Егоръ Андреевскій. С.-Петербургскій архіепископъ Гавріилъ предложилъ Синоду Семена Матвѣевскаго и Мартына Клевецкаго; оба они были сироты, дошли до класса реторики и имѣли отъ роду по 17 лѣтъ. Наконецъ, Троицкая Сергіевская лавра выслала своихъ учениковъ богословія: Михаила Быкова и Дмитрія Новикова, и ученика философіи Ивана Наумова. Кромѣ названныхъ кандидатовъ, официально рекомендованныхъ своимъ начальствомъ, въ Синодъ являлись и охотники, просившіеся по собственному желанію отправить ихъ учиться въ Англію. Таковъ былъ, напримѣръ, прибывшій въ Петербургъ учитель Крутицкой семинаріи — Дмитрій Семеновъ, учившійся впоследствии въ Геттингенскомъ университетѣ и получившій тамъ прекрасное образованіе ¹⁾).

Всѣхъ кандидатовъ явилось, такимъ образомъ, гораздо болѣе того числа, какое первоначально предположено было отправить въ Англію, и потому пришлось сдѣлать выборъ ²⁾). Кандидатовъ раздѣлили на

¹⁾ Семеновъ прожилъ въ Геттингенѣ (съ 1766 г.) 6 лѣтъ и въ теченіе этого времени слушалъ въ университетѣ лекціи богословія, языковъ (древнихъ, въ томъ числѣ и еврейскаго, и новыхъ), чистой и прикладной математики, всеобщей исторіи, философіи, исторіи литературы, статистики, права естественнаго и международнаго (у извѣстнаго въ то время профессора Ахенвала).

²⁾ Вѣроятно, посоветовавшись предварительно съ гр. А. П. Мусишь-Пушкинымъ, вновь назначеннымъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ.

три группы, и первую изъ нихъ, состоявшую изъ инспектора Василія Никитина и при немъ канцеляриста Буховецкаго да студентовъ Левшинова, Быкова, Суворова и Матвѣевскаго, отправили въ Англію; другіе же были посланы въ Лейденъ и Гёттингенъ. Спрашивается теперь, какова была *ближайшая* цѣль этой ученой командировки молодыхъ людей въ заграничные университеты, и почему они выбраны были изъ семинаріи, а не изъ числа студентовъ Московскаго университета.

Прямыхъ указаній на этотъ вопросъ акты не даютъ, и остается высказать одно лишь предположеніе, что этимъ путемъ Екатерина желала поднять уровень образованія въ нашемъ духовенствѣ, давъ семинаріямъ и академіямъ просвѣщенныхъ преподавателей. Это предположеніе становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, если вспомнить, что для улучшенія состава судовъ Екатерина поступила точно такимъ же образомъ, то-есть, отправила нѣсколькихъ молодыхъ людей (12 дворянъ) въ Лейпцигскій университетъ для изученія тамъ юриспруденціи и наукъ, къ ней относящихся ¹⁾. Правда, когда нѣкоторые изъ семинаристовъ возвратились на родину, получивъ блестящее воспитаніе за границей,—выдающимися духовными и свѣтскими лицами ²⁾ былъ выработанъ проектъ основанія богословскаго факультета при Московскомъ университетѣ, но эта важная мысль погибла безвозвратно такъ же, какъ гибло у насъ не мало добрыхъ начинаній.

11 ноября 1765 года вышеназванный инспекторъ Василій Никитинъ явился въ канцелярію Синода и заявилъ, что въ тотъ же день онъ, видѣвъ съ вѣренными его попеченію студентами, отправляется въ Англію. Для расходовъ каждому изъ студентовъ было опредѣлено посылать по 150 фунтовъ, что въ то время составляло около 750 русскихъ рублей. Содержаніе это, впрочемъ, впоследствии было увеличено по ходатайству русскаго посланника въ Лондонѣ, графа Мусинъ-Пушкина, общему надзору котораго и были поручены русскіе студенты.

Начало 1766 года студенты провели въ Лондонѣ, постепенно знакомясь съ жизнью малоизвѣстной имъ дотолѣ страны. На страстной

¹⁾ *Осмынадцатый Вѣкъ*, историческій сборникъ, издаваемый П. Бартоломеемъ, кн. 2 (Москва, 1869 г.), стр. 298; *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества*, т. X (С.-Пб., 1872 г.), стр. 111 и слѣд.

²⁾ См. мѣтніе экзаменационной комиссіи, состоявшей изъ с.-петербургскаго архіепископа Гавріила, псковскаго—Иннокентія и тайн. сов. Г. Тенлова и П. Чебышева.

недѣль, 22 и 23 апрѣля, они посѣщали русскую церковь въ улицѣ Клиффордъ-стритъ, исповѣдывались у священника іеромонаха Ефрема Дьяковского и приобщались св. тайнъ ¹⁾). Какъ проводили время, гдѣ учились наши студенты въ первые два года своего пребыванія въ Англіи,—объ этомъ, къ сожалѣнію, извѣстно очень мало, и можно лишь съ достовѣрностью сказать, что до половины 1768 г. русскіе студенты не были членами коллегій, то-есть, занимались у себя на дому, живя въ Оксфордѣ или въ Лондонѣ. Подобная жизнь не представляетъ въ Англіи удобствъ: студенты, живущіе внѣ коллегій, не имѣютъ доступа въ бібліотеки и лишены руководства опытныхъ тьюторовъ. Вотъ почему и наши соотечественники въ концѣ 1768 года нашли болѣе удобнымъ поступить въ коллегію. Быковъ и Суворовъ перешли въ такъ-называемую коллегію Королевы (Queen's college), Левшиновъ и Никитинъ записались членами коллегіи Пресвятой Дѣвы (такъ-называемый St. Mary Hall), а Матвѣевскій поселился въ Мертонской коллегіи. Судя по отзывамъ англійскихъ профессоровъ и донесеніямъ Никитина и Мусинъ-Пушкина, всѣ студенты занимались науками съ любовью и прилежаніемъ, не взирая на тяжкія болѣзни, которыя пришлось перенести нѣкоторымъ изъ нихъ (Матвѣевскому и Буховецкому). Инспекторъ Никитинъ слушалъ съ большимъ усердіемъ и успѣшно въ своей коллегіи лекціи философіи, астрономіи, высшей математики и химіи. Въ свободное отъ лекцій время Никитинъ посѣщалъ знаменитую Бодлейевскую бібліотеку, въ которой получилъ право заниматься 13-го іюля 1772 г., и въ этотъ день записалъ свою фамилію и имя въ особую книгу, и донинѣ хранящуюся въ бібліотекѣ ²⁾). Алексѣй Егоровичъ Левшиновъ учился богословію, діалектикѣ, метафизикѣ, гео-

¹⁾ Въ собственноручномъ черномомъ наставленіи императрицы Екатерины II для молодыхъ русскихъ, отправленныхъ въ Лейпцигъ для изученія юриспруденціи, было предписано, чтобы ежедневно студентамъ „были читаны іереемъ монахомъ по утру утреннія, а въ вечеру на сонъ грядущій моляты“, чтобы студенты ходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь, и затѣмъ чтобы „дважды въ годъ, а по крайней мѣрѣ одною, на праздники Рождества Христова или Святыхъ Пасхи, исповѣдывались и св. тайнъ приобщались“. Несомнѣнно, что подобное наставленіе было дано и семинаристамъ, отправленнымъ въ Англію. Свѣдѣнія о посѣщеніи студентами русской церкви взяты нами изъ записной книги русской посольской церкви въ Лондонѣ.

²⁾ Nomina peregrinorum et aliorum, in Bibliothecam Bodleianam admissorum ab anno 1682; July 13, 1772: Basil Nikitin from Russia. До Никитина въ этой книгѣ имѣются подписи только двухъ русскихъ: Petrus Müller, Moscoviensis (die 27 aug. 1709), и Michel Pleshoff, Russus (ann. 1762).

графіи, нравственной философіи, церковной и всеобщей исторіи и занимался чтеніемъ лучшихъ писателей греческихъ и римскихъ. Для Михамла Федоровича Быкова и Прохора Игнатьевича Суворова предметами изученія служили: юридическія науки, древніе и новыя языки, богословіе, философія и исторія. Суворовъ также посѣщаль Бодлейнскую бібліотеку и въ первый разъ записалъ свое имя 14-го іюля 1772 года. Бывшій канцеляристъ Александръ Сергѣевичъ Вухонцкій занимался съ особымъ прилежаніемъ философіей и другими науками. Семенъ Ивановичъ Матѣевскій упражнялся въ изученіи богословія, философіи, математики, гражданскаго права и древнихъ языковъ, сколько позволяли его слабыя силы и здоровье. Такимъ образомъ русскіе студенты, учившіеся въ Оксфордѣ, точно такъ же, какъ и въ другихъ университетахъ (въ Лейденѣ, Г'ёттингенѣ и Лейпцигѣ)¹⁾, не ограничивались какой либо узкой спеціальностью, но стремились получить прежде всего широкое общее образованіе. Иначе, впрочемъ, и быть не могло.

Русскіе юноши (за исключеніемъ Никитина) прибыли въ Оксфордъ съ слабою подготовкою и недостаточнымъ среднимъ образованіемъ, поэтому и специализироваться имъ не было возможности. Лишь только послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Англіи наши студенты, вѣроятно, овладѣли англійскимъ языкомъ на столько, что рѣшились поступить въ коллегіи и начать слушаніе правильныхъ университетскихъ курсовъ. Вотъ чѣмъ объясняется и другая особенность въ жизни нашихъ студентовъ за границей въ царствованіе Екатерины: продолжительное пребываніе за границей (отъ 6 и до 9 лѣтъ). Затѣмъ, не слѣдуетъ забывать также, что въ англійскихъ университетахъ Оксфорда и Кембриджа въ прошломъ столѣтіи не существовало вовсе такого дѣленія на факультеты, какое было принято въ Германіи и у насъ, въ Московскомъ университетѣ, и что тамъ общее образованіе въ коллегіяхъ было всегда на первомъ планѣ, а спеціальное его дополняло. Вотъ почему и наиболѣе талантливыя изъ русскихъ студентовъ, Никитинъ и Суворовъ, первоначально слушали курсы по различнымъ спеціальностямъ и лишь въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Оксфордѣ посвятили себя изученію математики и составили

¹⁾ Сравн. также и собственноручное наставленіе Екатерины для юристовъ (*Оборникъ Русскаго Историческаго Общества*, т. X, стр. 107), пункты 1 и 2: „обучаться всѣмъ латинскому, нѣмецкому, французскому и, если возможно, славянскому языкамъ“; „всѣмъ обучаться моральной философіи, исторіи, а наипаче праву естественному, и всенародному, и римской имперіи праву“.

руководство къ тригонометріи, переведенное ими же на англійскій языкъ ¹⁾).

Какъ было уже замѣчено выше, жизнь въ коллегіяхъ представляла для студентовъ много удобствъ, но она требовала и большихъ расходовъ; содержанія, опредѣленнаго нашимъ правительствомъ, не хватало, а такъ какъ и эти деньги присылались неисправно, студенты вынуждены были занимать и платить проценты. Уже къ концу 1770 года у одного Левшинова накопилось долговъ до 180 фунтовъ стерлинговъ. Мусинъ-Пушкинъ получивъ отъ Левшинова счетъ нажитымъ долгамъ, пришелъ въ недоумѣніе и потребовалъ объясненія у Никитина. Переписка русскаго посланника съ инспекторомъ студентовъ довольно любопытна и рисуетъ намъ довольно полную картину жизни студентовъ въ Оксфордѣ.

¹⁸/₂₀ января 1771 года графъ Мусинъ-Пушкинъ увѣдомилъ Никитина, что имъ полученъ отъ Левшинова счетъ долговъ, нажитыхъ въ Оксфордѣ. „Не скрылъ я ему (то-есть, Левшинову),—пишетъ посланникъ,—моего удивленія о томъ знатномъ задолжаніи, а особливо, когда нажито то при томъ изобильномъ всѣмъ вамъ опредѣленномъ жалованьѣ. Казалось мнѣ, что и при высочайшемъ дворѣ не только можно бы онымъ довольствоваться, но и жить съ нѣкоторою прохладою, безъ нужды“. Левшиновъ обращалъ вниманіе Мусинъ-Пушкина на то, что студентамъ подолгу приходилось ожидать жалованья, а посланникъ на это отвѣчалъ Никитину, что въ Россіи нѣтъ обычая высылать деньги впередъ, а уплачиваютъ ихъ по третямъ. „Нѣтъ мнѣ нужды,—прибавлялъ онъ,—напоминать вамъ, съ какимъ неудовольствіемъ можетъ быть принято въ С.-Петербургѣ такое излишнее иждивеніе, а особливо, когда изъ онаго же счета видно, что на перчатки и на шеюладь издержано восьмеро болѣе, нежели на книги. Писалъ же я къ вамъ, сколь справедливо надобно стараться о воздержаніи обучающихся и вашему надзору ввѣренныхъ студентовъ отъ извѣстныхъ расходовъ, требуя счетовъ ихъ“. Мусинъ-Пушкинъ потребовалъ отъ Никитина, коему ввѣренъ былъ надзоръ за студентами, подробныхъ счетовъ издержекъ и долговъ каждаго студента, съ объясненіемъ

¹⁾ Интересующіеся этимъ сочиненіемъ могутъ найти его въ Оксфордѣ въ Бодлейанской библіотекѣ, въ каталогѣ которой оно носитъ слѣдующее заглавіе: *Elements of plane and spherical trigonometry, written originally in Russian and translated into English by the authors Basil Nikitin and Prochor Souvoroff, London, 1786, 4°.*

причинъ, заставившихъ студентовъ впасть въ долги. Въ отвѣтномъ письмѣ изъ Оксфорда отъ 3 февраля (1771 г.) Никитинъ просилъ графа Мусинъ-Пушкина прежде всего быть снисходительнѣе къ ихъ неосторожности и затѣмъ объяснялъ, что главнѣйшими причинами ихъ задолженности были: переходъ на жительство въ коллегію и несправная уплата содержанія. „Мы часто,—пишетъ Никитинъ графу,— по 6 мѣсяцевъ дожидались денегъ изъ Россіи, а такъ какъ въ коллегіяхъ должно платить чрезъ 3 мѣсяца, мы принуждены были или занимать деньги съ великими подарками, или платить больше за ожиданіе“. Счеты расходовъ и долговъ инспекторъ общалъ прислать, а пока просилъ перевести имъ оставшееся неуплаченнымъ жалованье. Какъ бы то ни было, Левшиновъ уже съ конца марта 1770 года ¹⁾ не жилъ въ коллегіи и лишь ожидалъ, пока ему пришлютъ деньги. Въ началѣ 1771 года, благодаря содѣйствію посланника, Левшиновъ рассчитался съ коллегіей и кредиторами и уѣхалъ изъ Оксфорда. Дальнѣйшая его судьба остается неизвѣстною.

Согласно требованію посланника Никитинъ обязанъ былъ собрать подробныя свѣдѣнія о долгахъ своихъ собственныхъ и оставшихся въ его вѣдѣніи юношей. Оказалось, что къ концу февраля 1771 г. общая сумма ихъ долговъ доходила до 1.242 фунт. стерл. 6 шиллинговъ, то-есть, по тому времени превышала 6.000 руб., при чемъ на одни чрезвычайные расходы было издержано 562 ф. стерл. и 11 шилл. (то-есть, до 3.000 р.). Мусинъ-Пушкинъ въ недоумѣніи спрашивалъ, откуда набрались такіе расходы и такіе долги. Никитинъ объяснялъ, что нѣкоторые изъ студентовъ перенесли продолжительныя болѣзни, и ихъ нужно было лѣчить, а денегъ не было. „Доктору за Семена Матвѣевскаго не платили съ мая 1769 года, и съ того времени Семенъ Матвѣевскій трижды былъ престоко боленъ глазами, и всегда ему докторъ предписывалъ (лѣкарство). Съ годъ,—прибавляетъ онъ за себя,—какъ и я не платилъ доктору, а Михайло Быковъ съ минувшаго лѣта“. Съ 1767 г. за лѣкарства всѣ платили. За уголь одни должны за два года, а иные меньше. Портному не платили съ августа 1767 года, то-есть, въ теченіе 4 лѣтъ. За чулки и бѣлье не заплачено съ прошлаго года. За чай и сахаръ Матвѣевскій не рассчитывался съ 1768 г.

На студентовъ отпускалось по 150 ф. ст. на cadaго, то-есть, 600 ф. ст. на всѣхъ, но теперь (къ началу марта 1771 г.) этой суммы едва

¹⁾ Въ расчетныхъ книгахъ коллегіи St. Mary Hall имя Левшинова упоминается въ послѣдній разъ 16-го марта 1770 года.

могло хватить на уплату половины долговъ. По словамъ Никитина, эти долги, за которые въ Англїи грозила тюрьма, сильно беспокоили студентовъ. „Мысль о расплатѣ,—говорить онъ,—безпрестанно мучить насъ, и такъ, что истинно иногда дѣлать не можемъ ничего. Изъ какой суммы платить, оставляемъ на ваше разсужденіе. Мы признаемъ всегда безпримѣрное милосердіе, къ намъ оказанное ¹⁾, и большее, нежелая мы заслужили, или можемъ заслужить, но что мы будемъ дѣлать, если мы будемъ оставлены?“—съ грустью спрашиваетъ Никитинъ ²⁾. Сократить свои расходы, живя въ коллегіяхъ, студенты не могли: они должны были подчиняться общему режиму, одѣваться такъ же, какъ и другіе, по установленной формѣ, жить, какъ другіе, *gentlemanlike*, то-есть, какъ джентельмены, соблюдая правила внѣшней порядочности и благопристойности.

Для того, чтобы оправдать себя и своихъ питомцевъ въ глазахъ посланника и русскаго правительства, Никитинъ представилъ графу Мусинъ-Пушкину смѣту годовыхъ издержекъ, или, какъ онъ выражался, необходимые артикулы расходовъ. Изъ этой смѣты оказывалось, что годовые расходы у Никитина требовали 154 фунта и 15 ш. ³⁾. у Буховецкаго доходили до 160 фунт. 9 шилл., а у Суворова до 155 ф. Въ этой смѣтѣ не были еще показаны другіе необходимые (напр., на книги) и случайные расходы на приемы гостей и пр. Русскихъ лю-

¹⁾ Судьба тѣхъ русскихъ, которыхъ до него отправляли за границу учиться, была вообще довольно печальная: сначала имъ несправно выслали деньги, а потомъ и совсѣмъ забывали. Брошенные на чужбинѣ на произволъ судьбы русскіе „въ мизерію приходили и въ тюрьму попадали“, какъ свидѣлствуютъ о нихъ наши памятники.

²⁾ Письмо его къ гр. Мусинъ-Пушкину, отъ 6-го марта 1771 года.

³⁾ Для примѣра приводимъ здѣсь росписи необходимыхъ годовыхъ расходовъ Никитина, составленную имъ самимъ.

Въ коллегію за обѣды, ужинами, завтраки, свѣчи, по- шлины за окна, подати и плата служителю . . .	58 ф. — шилл.
На платье	12 „ — „
„ бѣлье	8 „ — „
„ шляпу, чулки, платки, перчатки	5 „ 5 „
„ башмаки	8 „ — „
Парикмахеру съ его воскресными лентами	4 „ — „
На мытье и почику бѣлья	5 „ 10 „
„ чай и сахаръ	6 „ — „
„ огонь	8 „ — „
„ учителя (? тьютора) и публичныя лекціи	26 „ — „
„ карманъ	24 „ — „

били въ Оксфордѣ, многіе приглашали къ себѣ студентовъ въ домъ и къ нимъ заходили.

Въ концѣ 1771 года Никитинъ обратился съ письмомъ къ Мусинъ-Пушкину и просилъ его написать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ объ увеличеніи имъ годоваго содержанія и отпускѣ, по крайней мѣрѣ, 500 фунтовъ на уплату долговъ. Русскій посланникъ въ Лондонѣ заботливо относился къ нуждамъ студентовъ въ Оксфордѣ: онъ помогъ Левшинову заплатить долги, въ іюлѣ 1771 г. въ виду разстроеннаго здоровья студентовъ Матвѣевского и Быкова рѣшили отправить ихъ въ Петербургъ, а остальнымъ просилъ у коллегіи прислать денегъ, дабы не потерпѣли „какого либо въ окончаніи наукъ помѣшательства“.

$\frac{3}{13}$ декабря Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ въ Петербургъ, о долгахъ нажитыхъ студентами, и въ отвѣтъ на это представленіе получилъ отъ канцлера графа Панина слѣдующую отвѣдь ¹⁾: „Вы сами, государь мой, были въ 1766 году первымъ и единственнымъ учредителемъ ученія ихъ и нужныхъ ресурсовъ какъ на оное, такъ и на пристойное ихъ во всемъ содержаніе. Въмѣсто 150 фунтовъ стерл., которые вы тогда на каждого въ годъ назначили, переводилось на нихъ повсегодно гораздо больше, то-есть, по 1.000 фунт., дабы тѣмъ всякія внезапныя издержки дополнять такъ, какъ и въ прошломъ году на трехъ оставшихся переведено было 2.500 р. За такимъ избыточнымъ содержаніемъ трудно здѣсь понять, отчего студенты могли попасть въ долги, кромѣ невоздержности и мотовства свыше состоянія и званія ихъ, въ которомъ, повидимому, и опредѣленный къ нимъ инспекторъ не меньше причастенъ былъ либо собственнымъ дурнымъ примѣромъ, или же, по крайней мѣрѣ, непростительною потачкою. При всей въ Оксфордѣ дороговизнѣ можно положить и, конечно, безъ ошибки (?), что не всѣ тамъ находящіеся студенты имѣютъ сами по себѣ такое избыточное содержаніе, каковое получаютъ наши; для чего же тѣ могутъ съ меньшимъ достаткомъ жить и учиться безъ долговъ, а наши сего не могутъ?“ По мнѣнію Панина, дабы положить конецъ мотовству и долгамъ студентовъ, слѣдовало, во первыхъ, „приказать, кому слѣдуетъ, короче студентовъ держать въ рукахъ, а, вовторыхъ, имъ самимъ именно и точно изъяснить, сколь много они невоздерж-

¹⁾ См. письмо его отъ 13-го января 1772 года (въ англ. дѣл. т. г. въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ) и извлеченія изъ него у *г. Маркса*, Трактаты съ Англіею, т. IX, стр. 306—307.

ностию своею собственному своему благополучію вредять, что время уже и гораздо имъ о томъ подумать и почувствоваться по мѣрѣ ихъ состоянія и званія тѣмъ болѣе, что своевольные ихъ долги никогда отсюда заплачены не будутъ, что по сей причинѣ отнынѣ надобно имъ стараться умѣрять расходы свои такимъ образомъ, дабы экономіей изъ опредѣленной на нихъ годовой суммы мало-по-малу выплачивать нажитые долги, и что напоследокъ въ противномъ сему случаѣ не возмогутъ уже они ничѣмъ избѣгнуть справедливой мотовству мзды въ англійскихъ тюрьмахъ, которыя равно ученыхъ и неученыхъ къ себѣ принимаютъ².

Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ студентамъ, что ими были недовольны въ Петербургѣ, а государственному канцлеру отвѣтилъ (реляціей отъ ²¹/₁₀ февраля 1772 г.), что „дѣла студентовъ пришли въ безпорядокъ единственно оплошностію и небольшимъ объ экономіи своей попеченіемъ. Особливо же разстроили ихъ частыя перемѣны въ расположеніяхъ ихъ: то порознь, то въ одинъ домъ, а наконецъ и переводъ по коллегіямъ, который, конечно, удобнѣе для занятій, но весьма дорогъ, а имъ былъ еще тѣмъ дороже, что надлежало при первомъ тамъ расположеніи застаться всякимъ домашнимъ скарбомъ, а инымъ доводилось и починивать свои квартиры“. Графъ Мусинъ-Пушкинъ также доносилъ, что студентъ ожидали денегъ по 6 и 8 мѣсяцевъ.

Рескриптомъ отъ 17 октября 1772 года повелѣно было Мусинъ-Пушкину прислать обратно въ Россію оставшихся въ Оксфордѣ студентовъ (Буховецкаго и Суворова) и состоявшаго при нихъ инспектора Никитина. Изъ студентовъ Буховецкій согласился возвратиться въ Россію, Никитинъ же и Суворовъ просили разрѣшенія остаться имъ еще въ Оксфордѣ для усовершенствованія въ математикѣ, коей они, повидимому, начали спеціально заниматься. Въ письмѣ къ Мусинъ-Пушкину отъ 6 февраля 1773 года Никитинъ съ большою похвалою отзывался объ ученыхъ занятіяхъ Суворова. „Велики его душевныя дарованія,—пишетъ онъ посланнику,—но охота, ревность къ ученію и желаніе быть полезнымъ своему отечеству—еще большія. Это примѣчается въ немъ всѣми знающими его, и всѣми несомнѣнно ожидается отъ него честь мѣсту, гдѣ онъ теперь почерпаетъ свое ученіе и польза великая отечеству. Но какъ онъ по успѣхамъ въ различныхъ знаніяхъ обратилъ всѣ свои мысли къ математикѣ, и я, и онъ желали бы особенно быть полезными симъ высокимъ знаніемъ и астрономіей, такъ чтобы не только преподаваніемъ распространять сіи знанія, но и изданіемъ математическихъ книгъ на руссійскомъ

языкъ, — просимъ всепикнейше, дабы милостивое благоволеніе было остаться намъ еще на нѣсколько времени въ Оксфордѣ, чтобы могли мы съ совершенными плодами въ отечество возвратиться". Въ свидѣтельствѣ, выданномъ Никитину профессоромъ высшей математики въ Оксфордскомъ университетѣ Томой Горнсби, выражено было также особенное желаніе и со стороны ученаго профессора, чтобы Никитинъ остался еще въ Оксфордѣ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ математическихъ наукахъ. Горнсби съ похвалою отзывался о научныхъ занятіяхъ Никитина и ставилъ ему въ заслугу благородное обращеніе какъ въ отношеніи своихъ соотечественниковъ, такъ и жителей Оксфорда. Этотъ отзывъ профессора не лишень значенія, ибо въ англійскихъ университетахъ всегда обращалось вниманіе и на нравственное воспитаніе студентовъ: не только на то, чтобы студентъ выходилъ изъ университета образованнымъ, но и благовоспитаннымъ человѣкомъ—джентельменомъ.

О Прохорѣ Суворовѣ его наставникъ, профессоръ Мёртвэзъ, свидѣтельствовалъ, что онъ въ теченіе почти 20 мѣсяцевъ руководилъ занятіями этого талантливаго (*egregii juvenis*) молодого человѣка, и что въ теченіе этого времени онъ не могъ не удивляться его быстрому уму и почти невѣроятному прилежанію: усилению предавался своимъ частнымъ занятіямъ на дому, Суворовъ успѣвалъ еще и слушать лекціи всѣхъ профессоровъ (*publicos professores nostros, quotquot legunt, audiverit*), читавшихъ въ коллегіи Королевы (*Queen's college*). Мёртвэзъ выражалъ желаніе, чтобы Суворовъ продолжалъ свои занятія „на честь и на пользу для себя и для своего отечества“¹⁾.

Прошло болѣе года съ того времени, какъ полученъ былъ указъ *объ отправленіи* въ Россію оставшихся въ Англии студентовъ, а послѣдніе все еще не возвращались, да къ тому и выѣхать изъ Англии имъ не было возможности, не уплативъ долговъ. Письмомъ отъ 16-го ноября 1773 года Никитинъ напомнилъ Мусинь-Пушкину, что долги М. Быкова и С. Матвѣевскаго, давно уже уѣхавшихъ изъ Англии, еще не были выплачены, и что кредиторы Никитину и Суворову стали грозить тюрьмою. Положеніе оказывалось безвыходнымъ: „поваръ коллегіи,—пишетъ Никитинъ,—гдѣ я живу, опасается мнѣ давать кушанье, и никто ничего не даетъ безъ денегъ“.

Мусинь-Пушкину опять пришлось писать въ коллегію иностранныхъ

¹⁾ См. ниже напечатанные аттестаты, выданные англійскими профессорами русскимъ студентамъ.

дѣлъ и снова ходатайствовать за своихъ студентовъ, которыхъ Панинъ написалъ уже разъ строгую отвѣдь. Отвѣтъ къ посланнику пришелъ не скоро, но, къ счастью, онъ принесъ добрыя вѣсти. Рескриптомъ отъ 31-го октября 1774 года на содержаніе студентовъ было переведено 5.000 р. да на уплату долговъ 1490 фунт. стерл. 16 шилл. и 9 пенс., но на этотъ разъ Мусинъ-Пушкину предписано по уплатѣ долговъ „непремѣнно отправить въ Петербургъ инспектора и студентовъ будущей весною на первоотходящихъ корабляхъ, не пріемля отъ нихъ никакихъ уже отговорокъ“. На возвращеніе въ Россію инспектору и студентамъ было ассигновано 750 р., то-есть, по 250 рублей на каждого. Далѣе Мусинъ-Пушкинъ долженъ былъ: 1) заявить студентамъ, что если они вновь надѣлаютъ долговъ, то это падеть на ихъ личную отвѣтственность, и 2) сдѣлать отъ себя формальное объявленіе, „чтобы никто уже впредь кредита имъ, русскимъ студентамъ, не дѣлалъ, и тѣмъ не подвергалъ бы себя напрасному убытку“. Съ наступленіемъ лѣтнихъ ваканцій 1774—1775 года наши студенты разстались съ Оксфордомъ, сохранивъ о немъ, не смотря на всѣ пережитыя невзгоды, благодарное воспоминаніе. Реляціей отъ $\frac{2}{13}$ июня 1775 года графъ Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ канцлеру объ отвѣдѣ студентовъ изъ Англіи и далъ о нихъ слѣдующій лестный отзывъ. „При возвращеніи отсюда,—писалъ посланникъ канцлеру,— въ свое отечество обучающихся въ Оксфордѣ инспектора Василія Никитина и студента Прохора Суворова поставляю себѣ за долгъ отдать предъ вашимъ сіятельствомъ должную справедливость знатнымъ ихъ успѣхамъ въ наукахъ и похвальному ихъ поведенію. Одно и другое пріобрѣлъ имъ отиѣнное почтеніе и любовь достойныхъ и ученыхъ людей вообще. Университетъ же Оксфордскій далъ имъ публичное и самое ласкательное тому доказательство произведеніемъ ихъ въ чинъ *maitre-ès-arts* (то-есть, степень магистра наукъ)¹⁾, но единственному уваженію ихъ достоинствъ, не только безъ всякихъ постороннихъ домогательствъ, но еще и вопреки сильной противу того партіи“.

Около того же времени (въ срединѣ 1775 г.) возвратились и другіе студенты—юристы, отправленные для образованія въ Лейпцигъ.

Читатель, навѣрное, спроситъ, что же стало съ этими молодыми людьми, и какъ они пристроились по своемъ возвращеніи въ Россію.

¹⁾ См. о нихъ *Alumni Oxonienses, the members of the University of Oxford 1715—1886* by J. Foster, v. IV, pp. 1024, 1881.

Такой вопросъ былъ предложенъ Синодомъ въ 1780 г. коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но отвѣта не было получено, да, вѣроятно, въ коллегіи и не знали, куда разбрелись по обширной Русской землѣ бывшіе за границей студенты ¹⁾. А между тѣмъ, какое блестящее новое высшее учебное заведеніе, сильное талантами и знаніемъ, могло бы быть образовано изъ этихъ молодыхъ людей, какъ много они могли бы внести свѣта въ темные углы нашего отечества, еслибы политическія задачи другаго рода не направили вниманія императрицы въ совершенно иную сторону.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

АТТЕСТАТЫ, ВЫДАННЫЕ РУССКИМЪ СТУДЕНТАМЪ АНГЛІЙСКИМИ ПРОФЕССОРАМИ.

1) Omnibus in Christo fidelibus ad quos praesens hoc scriptum pervenerit salutem.

Scitis, quod D-nus *Simeon Matfievskoy* Augustissimae Russiarum Imperatricis apud Oxonienses alumnus ultra biennium in collegio nostro Mertonensi literis humanioribus vacaverit, atque inibi quamdiu per valetudinem minus constantem liceret bene, laudabiliter et bonis moribus conformem se gessorit.

Dabam Oxonii ex hospitio nostro Merton,
die 16-to mensis julii A. D. 1771.

Ita testatur²⁾ I. Henricus
Barton S. P. Custos.

2) Testor *Simeonem Matfievskoy* per biennium pone totum proxime elapsam adversa valetudine ac praesertim oculorum dellusione graviter laborasse. In Artibus insuper ac Scientiis, si non diuturno morbo impeditus fuisset, nullus dubito, quin tempori pares et progressus maximo laudabiles fecisset quoad mores bene ac sobrie se gessit.

Richardus Davis A. M.
Collegii Mertonensis Socius.

Oxoniae.
Die 12-mo julii, 1771-mo.

¹⁾ Замѣтить, между прочимъ, что изъ нашихъ студентовъ Прохору Пгнатъевичу Суворову удалось уже въ началѣ XIX вѣка сдѣлаться профессоромъ Московскаго университета. О немъ см. Біогр. словарь Моск. унив., ч. II, 476—478; *Васильчиковъ*, Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 290, 295, 302, 306, 411—418 471; *Н. А. Пелозъ*, Исторія Имп. Московскаго Общества исторіи и древн. росс., стр. 137—138.

²⁾ Не разобрано въ рукописи.

3) Ego Thomas Hornsby A. M. Physices Experimentalis Praeceptor, Astronomiae apud Oxonienses Professor Savilianus et A. R. S. S. ex animo testor *Basilium Nikitin* A. M. ex aula beatae Mariae Virginis Philosophiae et sublimioribus Matheseos partibus operam suam continuo dedisse, in astronomicis observationibus faciendis et ad computum reducendis laudabili diligentia seipsum commendasse, eosque mores suavissimos tum in Indigenas suos tum etiam in nosmet Oxonienses prae se semper tulisse, quibus ornari decet ingenuum liberalem et Serenissimae Illustrissimae universarum Russiarum Imperatricis servum. Cum vero commercium hoc nostrum astronomicum a me pro singulari mea erga Basilium Nikitin voluntate institutum ex adversa mea valetudine aliquantulum fuisset interruptum longiorem ejus apud Oxonienses commorationem non possum non vehementer exoptare ut quo serius eo Philosophia Artibusque ingenuis instructor in Patriam redeat.

Tho-s Hornsby.

Oxonii, Januarii 20-o 1773.

4) Cum in studiis egregii juvenis *Prochori Suvoroff* dirigendis et adjuvandis ego per viginti fere menses occupatus fuerim, per totum illud tempus non potui quin acre ejus ingenium et pene incredibilem diligentiam valde admirarer, quippe qui non modo publicos professores nostros (quotquot legunt) audiverit, sed et privatis suis studiis assidue animum applicaverit. Cumque nuperrime sublimioribus Matheseos partibus operam dare instituit, quibus plenissime prosequendis, si quis alius a natura optime instructus esse videtur hanc pro ceteris scientiam ei in posterum excolendam arbitror, unde sibi et Patriae suae honori possit esse et emolumento.

Ita testor Georgius Murthwaite A. M.
Collegii Reginae apud Oxonienses Socius.

26 Decembris
1772.

В. Александровиче.